Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 108–14.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 2 (71). P. 108–14.

Научная статья
УДК 327
doi: 10.54398/1818510X_2022_2_108

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТУРЕЦКАЯ МОДЕЛЬ СОТРУДНИЧЕСТВА С НЕЗАВИСИМЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ И ЕЁ АПРОБАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Москаленко Валентин Алексеевич
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия
moskalenkoolga@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7093-1439

Аннотация. Исследование посвящено сотрудничеству Турции с независимыми государствами Центральной Азии. Интерес представляет анализ тридцатилетнего опыта этого сотрудничества, основанного на культурно-языковом и историко-религиозном единстве этих стран. Целью исследования выступает рассмотрение основных характеристик модели сотрудничества Турции с независимыми государствами Центральной Азии, которые могут быть заложены как основы взаимодействия других стран с независимыми государствами Центральной Азии, так и пути построения сотрудничества Турции с другими странами мира. Источниками исследования являются международные соглашения и договора между Турцией и странами Центральной Азии за 1991–2019 гг., включая объединения различной направленности Турции и стран Центральной Азии с помощью такого метода исследования, как сравнительный анализ. Основные результаты исследования заключаются в доказательстве зависимости характеристик турецкой модели сотрудничества с центральноазиатскими независимыми государствами от особенностей их внешнеполитических концепций. К этим характеристикам отнесены: многовекторность сотрудничества; использование особого геополитического статуса и богатых природных ресурсов стран Центральной Азии с взаимовыгодных позиций; наиболее оптимальным и продуктивным выглядит взаимодействие между странами Центральной Азии и Турцией на двусторонней или многосторонней основе; взаимная заинтересованность стран Центральной Азии и Турцией в обеспечение стратегической безопасности и стабильности в этих странах как оплоте безопасности и стабильности всего региона; вовлечение во взаимодействие между Турцией и странами Центральной Азии политических, финансовых, научных, образовательных, религиозных и других элит этих стран, в том числе молодёжи; признание этнонационализма и гибридности как особого характера государственности стран Центральной Азии в их внешней политике; использование опыта позитивной динамики разрешения проблем национального суверенитета как основы роста политического статуса стран Центральной Азии; поддержка дальнейшей регионализации международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран Центральной Азии.

Ключевые слова. Центральная Азия, Турция, сотрудничество, региональная модель, независимые государства, политический статус, многовекторность, пантюркизм, неосманизм, неооттоманизм, этнонационализм

Для цитирования: Москаленко В. А. Региональная турецкая модель сотрудничества с независимыми государствами и ее апробация в Центральной Азии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 108–117. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_108.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attpribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

REGIONAL TURKISH MODEL OF COOPERATION WITH INDEPENDENT COUNTRIES AND ITS APPROBATION IN CENTRAL ASIA

Valentin A. Moskalenko
Moscow State Institute of International Relations under Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
moskalenkoolga@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7093-1439

Abstract. The research is devoted to the Turkish cooperation with Central Asian independent countries. The interest is the analysis of 30 years of the experience, based on cultural and linguistically and historic and religious unity of those countries. The research is aimed at considering fundamental characteristics of Turkish cooperation model with Central Asian independent countries that can be laid down as basis for interaction of other countries with Central Asian independent states as well as for ways for forging cooperation for Turkey with other countries of the world. The sources are international agreements and treaties between Turkey and Central Asian countries in ensuring strategic security and stability in those countries as the mainstay for security and stability for the whole region; engagement in dialogue between Turkey and Central Asian countries political, financial, scientific, educational, religious and other elites including the youth; the recognition of ethnic nationalism and

© Москаленко В. А., 2022

hybridity as the specific nature of the statehood of Central Asia in their foreign policy; the usage of experience of positive dynamics for solving problems of national sovereignty as the basis for the growing political status of Central Asian countries; the support for further regionalization of international relations and enhanced role of local actors in foreign policy of Central Asian countries.

Keywords: Central Asia, Turkey, cooperation, regional model, independent countries, political status, multiple vectors, Pan-Turkism, Neosmanism, Neo-Ottomanism, ethnic nationalism

For citation: Moskalenko, V. A. Regional Turkish model of cooperation with independent countries and its approbation in Central Asia. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 2 (71), pp. 108–117. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_108.

This work is licensed under a Creative Commons Attpribution 4.0 International License.

Введение

Турецкая Республика (ТР) на протяжении почти ста лет существования взаимодействовала с государствами активно и многообразно, выстраивая свою модель сотрудничества. Актуально исследовать эту модель при появлении независимых государств в Центральной Азии (ЦА), имеющих с ТР общие языковые корни (тюркская языковая группа) и общее вероисповедание – ислам.

Цель исследования – это выявление основных характеристик региональной модели сотрудничества ТР с независимыми государствами в ЦА, которые зависят от особенностей их внешнеполитических концепций и выступает как научная новизна исследования – многовекторность сотрудничества; использование особого геополитического статуса и богатых природных ресурсов стран ЦА с взаимовыгодных позиций; наиболее оптимальным и продуктивным выглядит взаимодействие между странами ЦА и ТР на двусторонней или многосторонней основе; взаимная заинтересованность стран ЦА и ТР в обеспечение стратегической безопасности и стабильности в этих странах как оплоте безопасности и стабильности всего региона; вовлечение во взаимодействие между ТР и странами ЦА политических, финансовых, научных, образовательных, религиозных и других элит этих стран, в том числе молодёжи; признание этнонационализма и гибридности как особого характера государственности стран ЦА в их внешней политике; использование опыта позитивной динамики разрешения проблем национального суверенитета как основы роста политического статуса стран ЦА; поддержка дальнейшей регионализации международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран ЦА.

Основная часть

Образование новых независимых государств в Центральной Азии как мотиватор активности ТР в этом регионе

После распада СССР страны ЦА – бывшие республики СССР (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) – изменили свой политический статус от статуса союзной республики как субъектов СССР на статус независимого государства.

Приобретение нового политического статуса страны ЦА повлияло на социально-политические запросы этих стран и их национальных элит, которые были выражены в формировании своих собственных внешнеполитических концепций. Особенности внешнеполитических концепций стран ЦА послужили как мотиваторы привлекательности и активности других государств в этом регионе.

Первой особенностью выступило стремление к самоидентификации, к разрыву с советским прошлым, обеспечению себе достойного места в международной политике [7, с. 13; 29, с. 68]. Это было продемонстрировано во внешней политике стран ЦА в 1990-е гг. – перенос центра активного сотрудничества на другие страны мира, в первую очередь США, страны Европы и Азии, а не с РФ как правопреемницу СССР. Менее активное сотрудничество с РФ привело к значительному снижению социально-экономического развития этих стран (по данным Всемирного банка и Международного валютного фонда Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан (соответственно, 127, 148 и 157 из 185) [7, с. 31].

Потребности в самоидентификации, национальной идентичности и к независимости политического статуса привели страны ЦА к следующему. Страны ЦА в разной степени столкнулись с тем, что, входя в единый хозяйственный комплекс СССР, при переходе к независимости своих стран, пытаясь создать экономические модели развития своих стран, совершали много ошибок, что приводит к социальной и политической напряжённости в этом регионе. Социально-политическая напряжённость привлекает многих международных акторов с разными целями, такими как создание экономической и политической зависимости стран ЦА, отсутствие равенства народов, защиты прав человека и плюралистической демократии; непризнание национальной и культурной самобытности народов стран ЦА; нежелание поиска совместных решений социальных проблем (национальные меньшинства, ксенофобия, нетерпимость, защита окружающей среды, биоэтика, СПИД, наркомания и т. д.); отчуждение стран ЦА и их выход из региональных международных и пророссийских организаций (Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация До-

говора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство, Евразийский банк развития и др.).

Потребность в самоидентификации стран ЦА связана с усилением влияния ислама как основной религии региона, выступающего как фактор политической и общественной жизни в странах ЦА [24, с. 259], исламского образования населения [13, с. 175].

Это послужило позитивным моментом в привлекательности независимых государств ЦА для ТР как имеющей с государствами ЦА тюркоязычную, историко-культурную и религиозную близость [3, с. 106].

Второй особенностью внешнеполитических концепций стран ЦА выступило наличие особого геополитического статуса и богатые природные ресурсы [25, с. 145; 5, с. 150–151]. Занимая положение между Севером и Югом, Западом и Востоком, РФ и Китайской народной республикой (КНР), центральноазиатский регион выступает «мостом» между ними [33, с. 30], выполняя транзитную функцию [16, с. 140].

В качестве важного примера использования геополитического положения стран ЦА – это размещение военных, в первую очередь авиационных баз для дозаправки и обслуживания военного транспорта при перелётах в Афганистан и другие азиатские страны. Американские авиационные базы заработали в 2001 г. в Узбекистане (Карши-Ханабад, закрыта в 2005 г.) и Киргизии (Бишкек, перепрофилирована в Цент транзитных перевозок в 2009 г. и закрыта в 2014 г.).

Эту особенность страны ЦА использовали уже достаточно эффективно. Казахстан результативно реализует свой транспортно-коммуникационный потенциал – по его территории через международные транспортные коридоры осуществляется движении в Европу – через Северную ветку Трансазиатской железной магистрали (ТАЖМ), южный коридор ТАЖМ, ТРАСЕКА и Север-Юг.

Обратим внимание и на то, что страны ЦА являются богатой кладовой твёрдых полезных ископаемых (железная руда, уголь, руды металлов, самородные металлы), а также неметаллических полезных ископаемых, гидроминеральным сырьём (минеральные соли, йодобромные промышленные воды, целестин, бентонитовые и каолиновые глины и др.), водных ресурсов.

Однако ни особое геополитическое положение, ни наличие больших запасов полезных ископаемых не позволили странам ЦА за последние тридцать лет стать экономически развитыми странами, так как удалённость Центрально-Азиатского региона от ведущих центров развития мировой экономики не была решена с помощью регионального транспортного сообщения внутри и вне региона.

Третьей особенностью внешнеполитических концепций стран ЦА – многовекторность направлений внешней политики стран ЦА – ориентация не только на тесные отношения с глобальными державами (США, страны Европейского Союза (ЕС), КНР, РФ), но и со странами-соседями – Афганистаном, Ираном, и другими странами – региональными державами: Саудовской Аравией, Японией, Объединёнными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Катаром [19, с. 90]. Многовекторность внешней политики стран ЦА на протяжении 1990–2010-х гг. носила не всегда логичный и последовательный характер. При этом только Казахстан на протяжении тридцати лет последовательно вёл многовекторную внешнюю политику и достиг определённых результатов на этом пути. Узбекистан, как и Туркменистан, ориентируются на нейтральную, внеблоковую внешнюю политику. Таджикистан пытается поддерживать отношения одновременно с РФ, США и КНР, чего не смогла сделать Киргизия в 2005–2020 гг.

Четвёртой особенностью внешнеполитических концепций стран ЦА выступает взаимная заинтересованность стран ЦА и глобальных держав – США, КНР и РФ – в обеспечение стратегической безопасности и стабильности в этих странах как оплоте безопасности и стабильности всего региона [9, с. 70; 17, с. 47]. Но глобальные державы, при этом стремятся обеспечить лидирующие позиции в Центрально-Азиатском регионе, включая борьбу за природные и геополитические ресурсы, транспортно-коммуникационные маршруты. Это объясняется нехваткой страны – лидера региона и межгосударственными спорами и несогласием по ряду региональных вопросов между странами ЦА.

Это связано с пятой особенностью внешнеполитических концепций стран ЦА – монополитичность и наличие советского управленческого опыта лидеров стран ЦА – первоначально на протяжении первых десяти – двадцати лет независимости этих государств их внешнюю политику формировали лидеры, которые состоялись как лидеры советских социалистических республик. В Казахстане избран первым президентом Н. А. Назырбаев, который руководил страной до независимости (председатель Совета министров Казахской ССР 22.03.1984 – 27.07.1989, председатель Верховного совета Казахской ССР, президент Казахской ССР) и после (24.07.1990 – 20.03 2019).

В Киргизии первым президентом избран А. А. Акаев (27.10.1990 –11.04.2005), который в советское время занимался научной и административной деятельностью.

В Таджикистане Э. Ш. Рахмон является третьим Президентом с 6.11.1994 г. (с 25.12.2005 г. носит пожизненный титул «Лидер нации»), но практически руководил страной с 1992 г., являясь председателем Верховного совета Республики Таджикистан, в советское время председатель профкома колхоза и директор совхоза, председатель Кулябского облисполкома. Первый Президент Таджикистана Р. Н. Набиев (с 1991 по 1992 г.) в советское время – первый секретарь ЦК КП Таджикистана, председатель Верховного совета Таджикской ССР. Второй Президент Таджикистана А. И. Искандаров – исполняющий обязанности президента Таджикистана (1991–1992 гг.).

В Туркменистане С. Н. Ниязов руководил страной с 1985 по 2006 г. (Туркменбаши – «глава туркмен», Сердар – вождь и вечно Великий Сапармурат Туркменбаши) как первый секретарь ЦК КП Туркмении (1985–1991 гг.) и президент Туркмении (1990–2006 гг.).

В Узбекистане первый президент И. А. Каримов руководил страной с 1991 по 2016 г. В советское время первый Президент Узбекской ССР, первый секретарь ЦК КП Узбекской ССР, первый секретарь Кашкадарьинского обкома КП Узбекской ССР, председатель Госплана Узбекской ССР и заместитель председателя Совета министров Узбекской ССР, министр финансов Узбекской ССР.

Таким образом, лидеры стран ЦА имели большой опыт работы в советское время на разных уровнях партийно-административной работы. Это придавало достаточного позитива в их деятельности как руководителю независимого государства – знание экономики и народного хозяйства страны, её культуры, законов и обычаев этноса, национальных и финансовых элит и родов, национального языка и др. Но при этом многолетний опыт работы и формирования как лидера под руководством центра из столицы СССР выработали определённые качества созависимости и подчинённости, что мешало на первых этапах независимости страны. В дальнейшей деятельности это приводило к броскам из стороны в сторону и метаниям от одних партнеров во внешней политике к другим. Лидеры стран ЦА пытались стать лидерами в понимании «лидер СССР» как центр, глава; другое понимание лидерства не было известно правящей элите стран ЦА.

Это же мешало договориться главам стран ЦА между собой по ряду региональных проблем и по вопросу поиска своей национальной идентичности, самостоятельности во внешнеполитической деятельности. Поэтому так велико тяготение стран ЦА к глобальным державам в силу их тотального превосходства – США, странам ЕС, КНР, в последнее десятилетие – к РФ. Также страны ЦА пытаются найти сближение с исламским миром, прежде всего с ТР в силу тюркской общности происхождения их языков и культуры (кроме Таджикистана). Но сближение с другими странами мира в силу многовекторности внешней политики происходит достаточно медленно и робко – практически нет контактов со странами Юго-Восточной Азии, кроме КНР, Ближнего Востока (за редким исключением), Африки, Латинской Америки.

Шестая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА – реализация особого характера государственности стран ЦА во внешней политике стран ЦА [11, с. 4–5]. Главной характеристикой государственности в странах ЦА выступает этнонационализм как выражение национализма [1, с. 136], при котором особое внимание придаётся национальному языку, древней истории народа, культуре. Этот вектор приобретает и решающее значение в политике элит страны, провозглашающими формирование идентичности народа через традиционные для данного народа ценности, что, в свою очередь, связано с религией, ведущей для этого региона – исламом, и консервативным сознанием, связанным с этноисторическими мифами [23, с. 80].

В развитии государственности стран ЦА большое внимание уделяется обращение к прошлому и к историческим корням [28, с. 498], созданию псевдоисторических мифов, приукрашающихся историю страны и народа и восстановление утраченных или несуществующих ранее древних цивилизационных связей [8, с. 180].

Вот этот последний фактор активно используется ТР как восстановление связей тюркоязычного мира на территории всей ЦА, а вместе с этим возрождение неосманизма во главе с основной ТР как наследницей Османской империи [22, с. 327; 30, с. 16].

Вместе с тем разрешение проблемы государственности странами ЦА в 1990–2010-е гг. привело к тому, что страны ЦА в своей внешней политике продемонстрировали свой путь модернизации государственности, абсолютизацию суверенитета [11, с. 23–28]. В этих странах ЦА появились и успешно заработали все внешне- и внутреннеполитические институты, страны ЦА стали членами международных общественных организаций – ООН, ОБСЕ и др., региональных – СНГ, ШОС, ОДКБ и др. Это демонстрирует их достаточно успешную деятельность на международной арене, показывая свой независимый суверенитет.

При этом, как было показано ранее – в третьей, четвёртой и пятой особенностях внешнеполитической деятельности стран ЦА – и демонстрируется слабое развитие региональных межгосударственных структур стран и малая интеграция стран ЦА в целом по региону.

Седьмая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА – позитивная динамика разрешения проблем национального суверенитета как основа роста политического статуса стран ЦА.

Проблемы национального суверенитета возникают в результате угрозы со стороны внешних угроз – межграничный терроризм и преступность, деятельность негосударственных акторов (религиозных, этнических, финансовых, культурных, образовательных, экономических и др.), борьба за влияние глобальных и неглобальных держав и различных центров силы [11, с. 47–50].

Эти проблемы за 1990–2010-е гг. проявлялись в различных формах:

- гражданская война в Таджикистане (1992-1997 гг.),
- обострение отношений между странами ЦА:

- взаимные обвинения в 2005 г., обострение отношений между Киргизией и Узбекистаном из-за помощи узбекским беженцам Киргизией совместно с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ);
- в 2000-х гг. обострение отношений между Таджикистаном и Узбекистаном в связи с возвращением Таджикистана к строительству Рогунской ГЭС (2004) совместно с «Русал» (РФ), затем остановкой строительства, затем возобновлением и т. д. В 2013 г. Узбекистан остановил поставку природного газа в Таджикистан из-за противоречий по водному вопросу;
- конфлитогенная зона в Ферганской долине между Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном и др.;
- непоследовательный характер внешней политики стран ЦА (кроме Казахстана), неумелое лавирование между РФ, КНР и США, ЕС, что подорвало их авторитет на международном уровне;

- стремление руководящих элит стран ЦА извлечь максимальную выгоду, прежде всего – финансовую, из отношений с глобальными державами;
- проведение странами ЦА политики «открытых дверей» – установление сотрудничества со всеми странами, у которых имеются хорошие цели и намерения в их отношении, при этом приглашались абсолютно все инвесторы, без выявления истинных целей (например в Киргизии существует сеть международных образовательных организаций сторонников Гюлена «Себат» (ныне – «Сапат»), что порождает конфликт с ТР);
- «перегибы» многих президентов стран ЦА в виде провозглашения концепций превосходства своего (киргизского, таджикского, туркменского, узбекского) народа; проведение неадекватной кадровой политики на вытеснение этнических меньшинств (прежде всего, русского) из различных сферы в пользу титульной нации; и как результат массовый отъезд некоренного населения из стран ЦА и т. д., и т. п.

Хотя проблемы национального суверенитета стран ЦА существовали в рассматриваемой период, но они могут быть больше рассмотрены как проблемы роста политического статуса стран ЦА, так как за тридцать лет страны ЦА приобрели опыт международного сотрудничества и выработали свой подход. Но одним из главных итогов выступает то, что разногласия между странами ЦА и внутри них не привели к десуверенизации этих стран.

Восьмая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА – дальнейшая регионализация международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран ЦА [11, с. 4–5].

Если проанализировать 1990-е гг. – первые годы независимости стран ЦА – и 2010-е гг., то можно отметить, что страны ЦА все более пытаются не только декларировать развитие Центрально-Азиатского региона, но и деятельностно работают по этому направлению:

- определение статуса Каспийского моря, его экологии;
- активизация сотрудничества с соседними государствами – развитие и расширение сотрудничества между Таджикистаном, Узбекистаном, Казахстаном, Туркменией, Киргизией на основе доверительных и взаимовыгодных принципов;
- улучшение международных имиджей стран ЦА и налаживание диалога с региональными и глобальными акторами;
- особое внимание участию стран ЦА в интеграционных проектах ООН, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ, ОИС, ЕврАзЭс;
- поиск новых форм экономического и политического взаимодействия с РФ, КНР США, ЕС, ТР, Ираном, Афганистаном, Японией, странами постсоветского пространства; государствами Юго-Восточной Азии, Индо-Китайского региона и Арабского региона;
- формирование полицентрического мира и развитие многосторонней дипломатии; экономической, культурно-гуманитарной, информационной дипломатии, дипломатии водного сотрудничества и др.

Кроме того, страны ЦА пытаются участвовать в миротворчестве в других региона мира. Так, с ноября 2018 г. Казахстан выступает площадкой для диалога по урегулированию сирийского кризиса.

Таким образом, можно говорить об усилении дальнейшей регионализации международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран ЦА.

Девятая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА – размытость и зыбкость привычных понятий, выражающихся в явлении «гибридизации» во внешней политике стран ЦА [11, с. 94–105]. Гибридность политических режимов стран ЦА заключается в совместимости и модернизации традиционных национальных особенностей внешней и внутренней политики стран ЦА с особенностями либерально-демократической внешней и внутренней политики стран ЕС и США.

Гибридность внешней и внутренней политики стран ЦА зависит от ряда причин: интеграция в современный мир, налаживание связей со странами ЕС и США, а также с культурно близкими странами (ТР, Иран, страны Ближнего Востока) и вступление в ОБСЕ, что потребовало продвижение либерально-демократических ценностей в странах ЦА и др. В каждой стране ЦА были создана многопартийная система, проводятся регулярные выборы в центральные и местные органы, хотя в Туркменистане С. Ниязов стал пожизненным Президентом Туркменистана, аналогичное положение появилось в 2007 г. в Конституции Казахстана.

В большинстве стран есть неправительственные организации (НПО) и оппозиционные партии, с одной стороны, а с другой – высокая роль ислама и его институтов, представления об иерархии социума, наличие групп солидарности в качестве системного фактора.

Таким образом, выявленные особенности внешнеполитических концепций новых независимых государств в ЦА послужили мотиваторами и акторами привлекательности для ТР.

Некоторые особенности региональной турецкой модели сотрудничества с независимыми государствами в Центральной Азии

Стремление к самоидентификации независимых государств ЦА позволило ТР развивать идеи пантюркизма, неоосманизма и неоттоманизма и продвигать их на территорию Центрально-Азиатского региона [2, с. 148; 10, с. 104; 15, с. 150].

Наличие особого геополитического статуса и богатые природные ресурсы центральноазиатских независимых государств важно и необходимо для Турции, так как ТР стремится к превращению в крупного игрока энергетической безопасности европейских государств и диверсификацию энергетических источников ЕС, для чего особое место отводится объединению Кавказа и ЦА в единую энерготранспортную платформу с выходом чрез ТР в Европу. Поэтому ЦА рассматривается как основной плацдарм реализации задач ТР [31, с. 92].

Многовекторность направлений внешней политики стран ЦА также важна для ТР, так как в концепции современной внешней политики ТР уже не являются приоритетами основные шесть принципов (стрел) кемализма, концепция А. Давутоглу «ноль проблем с соседями» [10, с. 106; 32, с. 80; 27, с. 164]. При этом ТР не всегда последовательно и системно, но всё же расстаётся с принципами национального прагматизма и имперского романтизма во внешней политике [12, с. 149].

В современной концепции внешней политики ТР поставлен курс на многовекторную внешнюю политику, представляя её как самостоятельную и исходящую из национальных интересов страны. ТР представляется как динамично развивающаяся демократия и о готовая поделиться «универсальным опытом» проведения экономических и политических реформ со странами ЦА. Целью укрепления сотрудничества ТР с этими странами является распространение и идей неопантюркизма и неоосманизма [4, с. 30], а также подготовка благоприятной почвы для выгодных торговых контрактов и энергетических проектов, что проявляется в экономическом прагматизме [21, с. 110]. Несмотря на противоречивость и непопулярность некоторых политических и социально-экономических решений со стороны правящей Партии справедливости и развития и Президента ТР Р. Т. Эрдогана, ТР за последние двадцать лет добилась реальных результатов в сближении с другими мусульманскими государствами и вошла в круг держав, непосредственно участвующих в решении ряда мировых проблем – сирийского кризиса, иранской ядерной проблемы, мирного урегулирования азербайджанско-армянского кризиса, ливийского кризиса и др.

Но в 2010–2020-е гг. у ТР появились большие разногласия как с крупными державами ЕС и США, так и соседями – странами и монархиями Ближнего и Среднего Востока. Независимые государства ЦА рассматриваются ТР не только как площадки реализации лидерства ТР в тюркском мире, но и как потенциал для налаживания отношения всего тюркского мира во главе с ТР в отношениях с глобальными державами, со странами-соседями и другими региональными державами.

Поэтому ТР поддерживает и хочет возглавить движение независимых государств ЦА в их взаимной заинтересованности в обеспечение стратегической безопасности и стабильности в этих странах как оплоте безопасности и стабильности всего Центрально-Азиатского региона [14, с. 327; 34, с. 8].

Привлекает ТР даже социально-психологический портрет лидеров стран ЦА, особенно в 1990–2000-е гг., их монополитичность и наличие советского управленческого опыта лидеров стран ЦА. ТР предложила независимым государствам ЦА не только свой путь развития и модель политического обустройства исламского государства как либеральную демократическую республику, практически единственной во всем мире и имеющий почти столетний опыт строительства этой республики [6, с. 60]. Но ТР показала центральноазиатским государствам величие и значимость для народа образов своих героев и лидеров. В первую очередь, это основатель и первый лидер Республиканской народной партии Турции; первый Президент ТР, основатель современного турецкого государства Мустафа Кемаль Ататюрк.

ТР поддерживала реализацию особого характера государственности стран ЦА во внешней политике – этнонационализма, так как сама на всех этапах развития демонстрировала национальный прагматизм, который всегда был присущ кемалистской Турции [27, с. 165].

ТР привлекла и позитивная динамика разрешения проблем национального суверенитета как основа роста политического статуса стран ЦА, так как в самой ТР также взят курс на сохранение национального суверенитета защиту национальных интересов и повышение авторитета на международной арене [26, с. 100].

ТР возглавила процесс дальнейшей регионализации международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран ЦА, так как в современной внешней политике ТР и её отходе от традиционного кемализма ТР пытается сочетать статус ТР как регионоцентричной державы с безусловным региональным лидерством, что позволяет ТР усиливать свои позиции в качестве региональной державы [26, с. 102].

Эти сочетания порождают противоречивость и непоследовательность всего внешнеполитического курса ТР, что характерно и внешнеполитическим концепциям независимых государств ЦА как размытость и зыбкость привычных понятий, выражающихся в явлении «гибридизации» во внешней политике стран ЦА. Для ТР, как и для стран ЦА, велика роль ситуативности в современной внешней политике [18, с. 22].

В отношении независимых государств ЦА важно отметить, что ТР, несмотря на общую культурно-языковую и историко-религиозную общность, их взаимоотношения находятся на разных стадиях развития – более развиты отношения ТР и Республикой Казахстан, меньше – с Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан, и значительно мало – с Киргизской Республикой и Туркменистаном. В отношении динамики отношений ТР и независимыми государствами ЦА высокая интенсивность отношений наблюдалась в 1990-х гг., затем резкий спад в 2000-х гг. и небольшой рост в 2010-х гг. [35, с. 91]. Вероятно, по мнению В. А. Надеин-Раевского в турецкой внешней политике важна коммерческая составляющая, но не всегда ТР хватает финансовых, материальных и других средств для реализации задуманных планов [20, с. 90].

Выводы

Таким образом, в 1990–2010-е гг. ТР продемонстрировала оригинальную региональную модель сотрудничества с независимыми государствами в ЦА. Эта модель строилась на культурно-языковой и историко-религиозной единстве тюркских народов. Это выступало как преимущество в налаживании сотрудничества между государствами ЦА и ТР. С другой стороны, ТР при построении сотрудничества взяла на себя роль «старшего», пытаясь продемонстрировать и передать свой опыт построения либеральной демократической республики в монорелигиозной мусульманской стране молодым независимым государствам ЦА. Государства ЦА в первое время были согласны с ролью ТР как старшего в отношениях «ТР – государства ЦА», тем более, что у стран ЦА был опыт жизни в качестве союзной республики СССР с подчинением центру. Но при этом центр в СССР осуществлял социально-экономическую, идейно-политическую и другие виды помощи, что не смогла осуществить ТР, имея значительно меньше ресурсов и потенциала по сравнению с СССР. Также в первые годы своей независимости государства ЦА стремились к самоидентификации, национальной идентичности и к независимости политического статуса.

Поэтому после бурного сотрудничества – визитов, конференций, замыслов экономико-финансовых и социальных проектов в первое десятилетие сотрудничества (1990-е гг.) наступил этап менее активного сотрудничества (2000-е гг.). И только в 2010-е гг., уже накопив опыт сотрудничества, проанализировав успехи и неудачи взаимодействия между странами ЦА и ТР, начала развиваться современная региональная модель сотрудничества ТР со странами ЦА.

Этой модели характерно следующее:

- многовекторность сотрудничества – в политике и экономике, культуре и в религии, образовании и социально-общественной жизни;
- использование особого геополитического статуса и богатые природные ресурсы стран ЦА с взаимовыгодных позиций как для стран ЦА, так и для ТР как инвестора;
- наиболее оптимальным и продуктивным выглядит взаимодействие между странами ЦА и ТР на двусторонней или многосторонней основе, в частности в рамках ШОС, а также расширяя совместную деятельность с другими акторами мира – с глобальными державами, странами-соседями и региональными державами;
- взаимная заинтересованность стран ЦА и ТР в обеспечение стратегической безопасности и стабильности в этих странах как оплоте безопасности и стабильности всего региона;
- вовлечение во взаимодействие между ТР и странами ЦА политических, финансовых, научных, образовательных, религиозных и других элит этих стран, в том числе молодёжи;
- признание особого характера государственности стран ЦА в их внешней политике – этнонационализма (как выражение национализма, при котором особое внимание придаётся национальному языку, древней истории народа, культуре) и гибридности политических режимов стран ЦА (как совместимость и модернизация традиционных национальных особенностей внешней и внутренней политики стран ЦА с особенностями традиционной либерально-демократической внешней и внутренней политики стран мира);
- использование опыта позитивной динамики разрешения проблем национального суверенитета как основы роста политического статуса стран ЦА;
- поддержка дальнейшей регионализации международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран ЦА.

Эти характеристики и сама модель сотрудничества ТР с независимыми государствами в ЦА может быть рассмотрена как основа построения взаимодействия между развивающимися странами в современном мире, так как выступает учитывающей интересы субъектов сотрудничества и взаимовыгодной с различных позиций для всех сторон.

Список литературы

1. Абашин, С. Н. История зарождения и современное состояние среднеазиатских национализмов / С. Н. Абашин // Вестник Российской нации. – 2009. – № 3 (5). – С. 133–162.
2. Абдулин, Д. А. Пантюркизм во внешней политике Турции / Д. А. Абдулин // Актуальные вопросы развития России в исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты : мат-лы XV Всерос. науч.-практич. конф. (Челябинск, 27–28 апреля 2017 г.) / отв. ред. С. В. Нечаева. – Челябинск : Челябинский филиал РАНХиГС, 2017. – С. 148–150.
3. Асанов, Б. М. «Мягкая сила» Турции во внешней политике Центральной Азии / Б. М. Асанов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2020. – № 4 (20). – С. 103-–109.
4. Бадретдинова, С. А. Неоосманизм во внешней политике Турции XXI в. (на примере Центрально-Азиатского региона) / С. А. Бадретдинова // Империи в мировой истории: актуальные проблемы современных исследований : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практич. конф. 9Стерлитамак, 14 мая 2021 г.). – Стерлитамак : Башкирский гос. ун-т, 2021. – С. 30–33.
5. Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Зб. Бжезинский. – Москва : АСТ, Neoclassic, 2021. – 256 с.
6. Варбанец, П. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Кавказе: отголоски событий «арабской весны» / П. Варбанец // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – Т. 15, № 4. – С. 59–66.
7. Гарбузарова, Е. Г. Центральная Азия в современных мирополитических процессах / Е. Г. Гарбузова. – Москва : Аспект Пресс, 2020. – 192 с.
8. Дробижева, Л. М. Возможен ли конструктивный национализм? / Л. М. Дробижева // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6, № 6. – С. 176–189.
9. Егизарян, А. Основные особенности «полупериферийных стратегий» Ирана, Турции и России в отношении региона Центральной Азии и Южного Кавказа / А. Егизарян // Центральная Азия и Кавказ – 2013. – Т. 16, № 1. – С. 64–80.
10. Ермекбаев, А. А. Изменение внешней политики Турции: от кемализма до неосманизма (основные внутренние и внешние факторы) / А. А. Ермекбаев // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. – 2018. – Т. 90, № 2. – С. 103–109.
11. Звягельская, И. Г. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные вызовы в региональном исполнении / И. Г. Звягильская. – Москва : Аспрект Пресс, 2019. – 224 с.
12. Игнатенко, А. Национальный прагматизм и имперский романтизм во внешней политике Турции / А. Игнатенко // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 2. – С. 146–154.
13. Кашаф, Ш. Р. Процессы реформирования исламского образования в России и в странах Центральной Азии в контексте их взаимодействия с Турцией / Ш. Р. Кашаф, К. Ш. Кашаф // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – 2016. – № 2, т. 3. – С. 173–220. – DOI: 10.16985/MTAD.2016227948.
14. Керим, Х. Трансформация внешней политики России и Турции в Центральной Азии / Х. Керим // Ломоносовские чтения. Востоковедение : тез. докл. науч. конф. (Москва, 18 апреля 2016 г.) / отв. ред. В. Е. Смирнов. – Москва : Тезаурус, 2016. – С. 326–328.
15. Клочкова, Е. С. Неооттоманизм основа внешней политики современной Турции / Е. С. Клочкова, Н. В. Лосева, Б. Эндер // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 6–4. – С. 148–151.
16. Маккиндер, Х. Дж. Демократические идеалы и реальность / Х. Дж. Маккиндер, С. Л. Баринов, В. Ю. Куршаков, И. Ю. Окунев // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 134–144.
17. Малышева, Д. Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном / Д. Б. Малышева // Россия и новые государства Евразии. – 2017. – № 3 (36). – С. 46–58.
18. Мехмет, Й. Роль ситуативности в современной внешней политике Турции / Й. Мехмет // Вестник Института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики. – 2018. – № 1–1. – С. 22.
19. Мирзоева, Ф. Б. Геополитическое соперничество держав в Центральной Азии / Ф. Б. Мирзоева, Н. М. Мизоев, А. Н. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. – 2019. – № 1. – С. 89–94.
20. Надеин-Раевский, В. А. Внешняя политика Турции: ветры перемен / В. А. Надеин-Раевский // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 2. – С. 84–92.
21. Насибова, А. С. Концептуальные основы внешней политики Турции: модернизм или традиционализм? / А. С. Насибова // Историческая наука и судьбы историков: преемственность и инновационные подходы : мат-лы Всерос. науч. конф. (Саратов, 14 ноября 2017 г.) / под общ. ред. Л. Н. Черновой. – Саратов : Саратовский источник, 2017. – С. 109–114.
22. Нуриддинов, Р. Ш. Внешняя политика Турции в Центральной Азии: модификация внешнеполитических ориентиров Турции в Центральной Азии / Р. Ш. Нуриддинов, Г. С. Алиева // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2020. – № 8. – С. 326–331.
23. Панарин, С. А. Центральная Азия: интеграционный потенциал и перспективы миграции / С. А. Панарин // Миграции русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы : науч. докл. / под ред. Г. Витковской. – Москва : Московский центр Карнеги, 1996. – Вып. 11. – С. 79–90.
24. Пономарева, Е. Г. «Принцип домино»: Мировая политика на рубеже веков / Е. Г. Пономарева, Г. А. Рудов. – Москва : Канон+, Реабилитация, 2016. – 312 с.
25. Семенов-Тян-Шанский, П. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии / П. П. Семенов-Тян-Шанский // Пространственная экономика. – 2008. – № 2. – С. 144–160.
26. Соколова, Н. А. Концептуальные основы внешней политики Турции: история и современность / Н. А. Соколова // Труд и социальные отношения. – 2013. – № 3. – С. 99–106.

27. Сулейманов, А. В. Проблемы внешней политики Турции на современном этапе / А. В. Сулейманов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 162–169.

28. Тишков, В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – Москва : Наука, 2003. – 580 с.

29. Урманов, Д. Р. Российско-турецкая борьба за умы в Центральной Азии / Д. Р. Урманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 3 (48). – С. 66–71.

30. Хас, К. Особенности внешней политики Турции в Центральной Азии / К. Хас // Армия и общество. – 2013. – № 3 (35). – С. 16–20.

31. Юлдашева, Г. Новые ориентиры во внешней политике Турции и стран Центральной Азии / Г. Юлдашева // Россия и мусульманский мир. – 2008. – № 9. – С. 91–99.

32. Davutoğlu, A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 / A. Davutoğlu // Insight Turkey. – 2008. – Vol. 10, № 1. – P. 77–96.

33. Golden, P. B. Central Asia in world history / P. B. Golden. – Oxford etc. : Oxford Univ. Press, 2011. – 178 p.

34. Kurt, H. Coverage of obtaining independence by Central Asian Turkic Republics by Milliyet and Terdzhuman newspapers / H. Kurt. – Ankara : Plautunus Publ., 2021. – 197 p.

35. Moskalenko, V. A. Target Integration of Activities of Turkish Republic, Russian Federation and Central Asian Countries towards Social and Political Development of Central Asian Region in Contemporary Conditions International / V. A. Moskalenko // International Congress of Engineering and Natural Sciences (ICENSS2021) (May 7–9, 2021). – Ankara : Support and Development of Science Association Publications "Bidge Publications", 2021. – P. 91.

References

1. Abashin, S. N. Istoriya zarozhdeniya i sovremennoe sostoyanie sredneaziatskikh natsionalizmov [History of origination and modern state of Central Asian nationalisms]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian nation]. 2009, no. 3 (5), pp. 133–162.

2. Abdulin, D. A. Pantyurkizm vo vneshney politike Turtsii [Panturkism in Turkish foreign policy]. *Aktualnye voprosy razvitiya Rossii v issledovaniyakh studentov: upravlencheskiy, pravovoy i sotsialno-ekonomicheskiy aspekty* [Topical issues of Russia's development in students' research: managerial, legal and socio-economic aspects]. Chelyabinsk: Chelyabins bransh of RANEPA Publ. house; 2017, pp. 148–150.

3. Asanov, B. M. "Myagkaya sila" Turtsii vo vneshney politike Tsentralnoy Azii [Soft power of Turkey in Central Asian foreign policy]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova, Seriya "Istoriya. Politologiya. Pravo"* [Vestnik of North-Eastern federal university. *Series "History. Politology. Law"*]. 2020, no. 4 (20), pp. 103–109.

4. Badretdinova, S. A. Neoosmanizm vo vneshney politike Turtsii XXI veka (na primere Central'no-Aziatskogo regiona) [Neoosmanism in Turkish foreign policy of the 21th century (On example of Central Asian region)]. *Imperii v mirovoy istorii: aktualnye problemy sovremennykh issledovaniy* [Empires in world history: actual problems of modern researches]. Sterlitamak: Bashkir State University Publ. house; 2021, pp. 30–33.

5. Bzhezinskij, Zb. *Velikaya shahmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow: AST, Neoclassic Publ. house; 2021, 256 p.

6. Varbanets, P. Vneshnyaya politika Turtsii v Tsentralnoy Azii i na Kavkaze: otgoloski sobytiy "arabskoy vesny" [Foreign policy of Turkey in Central Asia and on Caucasus: echoes of Arab Spring events]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2012, vol. 15, no. 4, pp. 59–66.

7. Garbuzarova, E. G. *Tsentralnaya Aziya v sovremennykh miropoliticheskikh protsessakh* [Central Asia in global policy processes]. Moscow: Aspect Press Publ. house; 2020, 192 p.

8. Drobizheva, L. M. Vozmozhen li konstruktivnyy natsionalizm? [Is the constructive nationalism possible?]. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in global affairs]. 2008, vol. 6, no. 6, pp. 176–189.

9. Egizaryan, A. Osnovnye osobennosti "poluperiferiynykh strategiy" Irana, Turtsii i Rossii v otnoshenii regiona Tsentralnoy Azii i Yuzhnogo Kavkaza [Main features of "semi-peripheral strategies" of Iran, Turkey and Russia in relation to region of Central Asia and the South Caucasus]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2013, vol. 16, no. 1, pp. 64–80.

10. Ermekbaev, A. A. Izmenenie vneshney politiki Turtsii: ot kemalizma do neosmanizma (osnovnye vnutrennie i vneshnie faktory) [Change of Turkey's foreign policy: from Kemalism to Neosmanism (major external and internal factors)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filosofiya"* [Bulletin of the Karaganda university. *Series "History. Philosophy"*]. 2018, vol. 90, no. 2, pp. 103–109.

11. Zvyagelskaya, I. G. *Blizhniy Vostok i Tsentralnaya Aziya: Globalnye vyzovy v regionalnom ispolnenii* [Middle East and Central Asia: Global challenges in regional Implementation]. Moscow: Aspect Press; 2019, 224 p.

12. Ignatenko, A. Natsionalnyy pragmatizm i imperskiy romantizm vo vneshney politike Turtsii [National pragmatism and imperial romanticism]. *Rossiya i musulmanskiy mir* [Russia and the moslem world]. 2011, no. 2, pp. 146–154.

13. Kashaf, Sh. R., Kashaf, K. Sh. Protsessy reformirovaniya islamskogo obrazovaniya v Rossii i v stranakh Tsentralnoy Azii v kontekste ikh vzaimodeystviya s Turtsiey [Process of reformation of Islamic education in Russia and in Central Asian countries in the context of their interaction with Turkey]. *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi* [Institute of Turkic Studies]. 2016, no. 2, vol. 3, pp. 173–220, DOI 10.16985/MTAD.2016227948.

14. Kerim, Kh. Transformatsiya vneshney politiki Rossii i Turtsii v Tsentralnoy Azii [Transformation of Russian and Turkish foreign policies in Central Asia]. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie* [Lomonosov readings. Oriental studies]. Moscow: Tezaurus Publ. house; 2016, pp. 326–328.

15. Klochkova, E. S., Loseva, N. V., Ender, B. Neo-ottomanizm – osnova vneshney politiki sovremennoy Turtsii [Neo-ottomanism as basis of foreign policy of modern Turkey]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences]. 2016, no. 6–4, pp. 148–151.

16. Makkinder, Kh. Dzh., Barinov, S. L., Kurshakov, V. Yu., Okunev, I. Yu. Demokraticheskie idealy i realnost [Democratic ideals and reality]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Political researches]. 2011, no. 2, pp. 134–144.

17. Malysheva, D. B. Mezhdunarodno-politicheskoe vzaimodeystvie gosudarstv Tsentralnoy Azii s Turtsiey i Iranom [International and political interaction of Central Asian states with Turkey and Iran]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia]. 2017, no. 3 (36), pp. 46–58.
18. Mekhmet, J. Rol situativnosti v sovremennoy vneshney politike Turtsii [Role of situativeness in modern foreign policy of Turkey]. *Vestnik Instituta filosofii i politiko-pravovykh issledovaniy Natsionalnoy akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki* [Bulletin of Institute of philosophy and political and legal studies of National Academy Of Science Of Kyrgyz Republic]. 2018, no. 1–1, p. 22.
19. Mirzoeva, F. B., Mirzoev, N. M., Sharipov A. N. Geopoliticheskoe sopernichestvo derzhav v Tsentralnoy Azii [Geopolitical rivalry of powers in Central Asia]. *Vestnik Tadzhikskogo natsionalnogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University]. 2019, no. 1, pp. 89–94.
20. Nadein-Raevskiy, V. A. Vneshnyaya politika Turtsii: vetry peremen [Foreign policy of Turkey: wind of changes]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2013, no. 2, pp. 84–92.
21. Nasibova, A. S. Kontseptualnye osnovy vneshney politiki Turtsii: modernizm ili traditsionalizm? [Conceptual basis of Turkish foreign policy: modernism or traditionalism?]. *Istoricheskaya nauka i sudby istorikov: preemstvennost i innovatsionnye podhody* [Historic science and fate of historians: continuity and innovative approaches]. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ. house; 2017, pp. 109–114.
22. Nuriddinov, R. Sh., Alieva, G. S. Vneshnyaya politika Turtsii v Tsentralnoy Azii: modifikatsiya vneshnepoliticheskikh orientirov Turtsii v Tsentralnoy Azii [Foreign policy of Turkey in Central Asia: modification of Turkish foreign policy orienteers in Central Asia]. *Vestnik Tadzhikskogo natsionalnogo universiteta. Seriya sotsialno-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Tajik National University. A series of socio-economic and social sciences]. 2020, no. 8, pp. 326–331.
23. Panarin, S. A. Tsentralnaya Aziya: integratsionnyy potentsial i perspektivy migratsii [Central Asia: integration potential and prospects of migration]. *Migratsii russkoyazychnogo naseleniya iz Tsentralnoy Azii: prichiny, posledstviya, perspektivy* [Russian speaking population movement from Central Asia: reasons, consequences and prospects]. Moscow: Moskovskiyj Tsentr Karnegi Publ. house; 1996, iss. 11. pp. 79–90.
24. Ponomareva, E. G., Rudov, G. A. *"Printsip domino": Mirovaya politika na rubezhe vekov* [Domino effect: World policy on crossroad of ages]. Moscow: Kanon+ Publ. house; Reabilitatsiya Publ. house; 2016, 312 p.
25. Semenov-Tyan-Shanskiy, P. P. O mogushchestvennom territorialnom vladenii primenitelno k Rossii. Ocherk po politicheskoy geografii [About the Powerful Territorial Possession with Reference to Russia: Essay on Political Geography]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. 2008, no. 2, pp. 144–160.
26. Sokolova, N. A. Kontseptualnye osnovy vneshney politiki Turtsii: istoriya i sovremennost [Conceptual basis of Turkish foreign policy: history and modernity]. *Trud i sotsialnye otnosheniya* [Labour and social relations]. 2013, no. 3, pp. 99–106.
27. Suleymanov, A. V. Problemy vneshney politiki Turtsii na sovremennom etape [Problems of Turkish foreign policy on modern stage]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6 "Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya"* [Vestniks of Saint Petersburg University. *Series 6 "Philosophy. Culturology. Politology. Law. International relationships"*]. 2014, no. 3, pp. 162–169.
28. Tishkov, V. A. *Rekviem po etnosu. Issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii* [Requiem on ethnos. Researches on Social and cultural antropology]. Moscow: Nauka Publ. house; 2003, 580 p.
29. Urmanov, D. R. Rossiysko-turetskaya borba za umy v Tsentralnoy Azii [Russian-Turkish fight for Central Asian minds]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2016, no. 3 (48), pp. 66–71.
30. Khas, K. Osobennosti vneshney politiki Turtsii v Tsentralnoy Azii [Pecularities of Turkish foreign policy in Central Asia]. *Armiya i obshchestvo* [Army and Society]. 2013, no. 3 (35), pp. 16–20.
31. Yuldasheva, G. Novye orientiry vo vneshney politike Turtsii i stran Tsentralnoy Azii [New orienteers in foreign policy of Turkey and Central Asian countries]. *Rossiya i musulmanskiy mir* [Russia and the moslem world]. 2008, no. 9, pp. 91–99.
32. Davutoğlu, A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007. *Insight Turkey*. 2008, vol. 10, no. 1, pp. 77–96
33. Golden, P. B. *Central Asia in world history*. Oxford etc.: Oxford Univ. Press; 2011, 178 p.
34. Kurt, H. *Coverage of obtaining independence by Central Asian Turkic Republics by Milliyet and Terdzhuman newspapers*. Ankara: Plautunus Publ.: 2021, 197 p.
35. Moskalenko, V. A. Target Integration of Activities of Turkish Republic, Russian Federation and Central Asian Countries towards Social and Political Development of Central Asian Region in Contemporary Conditions International. *International Congress of Engineering and Natural Sciences (ICENSS2021),* May 7–9 2021. Ankara: Support and Development of Science Association Publications "Bidge Publications"; p. 91.

Информация об авторе

Москаленко В. А. – соискатель.

Information about the author

Moskalenko V. A. – applicant.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 09.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 09.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.